

Главный алтарь Культа Демона Девяти Небес был скрыт под пеленой знамён.

Под алтарём, до самого горизонта, тянулось сплошное море голов — здесь собрались гиганты демонического пути из всех земель, главы подвластных сект и пользующиеся дурной славой независимые практикующие.

Сегодня проходила торжественная церемония восхождения на трон нового главы Культа Демона Девяти Небес.

А имя этой новой повелительницы уже было сплошь написано кровью на всей территории мира бессмертных.

Всего за несколько лет она железной рукой объединила внутренние ряды демонического культа.

Её путь к небесам был вымощен горами трупов и морями крови, а «кровожадность» и «жестокость» стали её главными прозвищами и превратились в кошмар, заставляющий содрогаться как праведный, так и демонический пути.

— Счастливым час настал!

Шум и галдеж оборвались так внезапно, словно невидимая рука перекрыла им горло, и во всей округе воцарилась мёртвая тишина.

Из глубокой тени главного зала медленно вышла одинокая фигура.

На ней было чёрное как ночь церемониальное облачение правителя, отделанное тёмно-золотой нитью и расшитое свирепым драконом Девяти Преисподних.

Её лицо было поистине прекрасным, а длинные волосы были собраны на макушке короной из чёрного нефрита, открывая гладкий лоб и пару глубоких, подобных холодному омуту глаз.

Она уверенно направилась к самому высокому месту алтаря — к огромному трону, принадлежащему главе культа.

На гостевых трибунах тихие перешёптывания возобновились, словно подземные течения под водой.

— Эта женщина действительно настолько сильна? — понизив голос, спросил практик в западных одеждах, в чьих глазах смешались трепет и сомнение.

Сидящий рядом с ним собраться с Северных Земель презрительно усмехнулся, приглушив голос ещё сильнее:

— Ты пришёл с Запада и не видел, как она сражается.

— Разве дело только в силе? Монастырь Фулун недостаточно древен? Парящая Гора недостаточно влиятельна? И что от них осталось?

— Даже предок нашего северо-западного Культа Сюаньмин сегодня сидит вон там лично.

Он кивнул в сторону первых рядов VIP-трибуны.

— Лицо? О нет-нет, это не почтение, это самый настоящий страх.

Другой человек подался вперёд и загадочным тоном произнёс:

— А вы слышали о её ручном питомце?

— Питомце? Духовном звере? Раз способна удостоиться милости главы Цзян, это наверняка невероятный свирепый зверь.

— Вовсе нет, вовсе нет, — тот покачал головой, и в его глазах мелькнул странный блеск. — Человек.

— Человек?

— Помните Секту Юйцин, которую уничтожили год назад? Их бывшая святая.

Слушавшие шумно втянули воздух.

— Та самая святая по фамилии Цинь? Говорят, она и глава Цзян были знакомы с юных лет и даже состояли в одной секте?

— Не просто в одной секте, поговаривают, когда глава Цзян в прошлом переживала не лучшие времена, та девушка всячески о ней заботилась.

— Иначе с чего бы всему ордену Секты Юйцин не оставить в живых ни собаки, ни курицы, а её одну пощадить?

Эти обрывочные, липкие разговоры были полны нездорового любопытства и скрытой злобы.

Слова эти развеивались по ветру, но ничуть не потревожили ту, что стояла на возвышении.

Цзян Ханьюй уже стояла перед троном. Обернувшись, она медленно обвела взглядом тысячи учеников и гостей внизу.

Слова были не нужны: там, куда падало её взор, все склоняли головы в знак подчинения.

Церемония наконец подходила к концу.

И когда все уже решили, что всё завершится пышным пиром и всеобщим весельем, холодный и чистый голос Цзян Ханьюй раздался вновь:

— Раз я взошла на престол главы культа, то должна назначить заместителя главы, чтобы он помогал мне в управлении делами.

Толпа замерла: место заместителя пустовало долгие годы, и теперь появление нового вполне укладывалось в рамки разумного.

Только вот кому из верных сподвижников или заслуженных героев выпала столь великая честь?

Уголки губ Цзян Ханьюй изогнулись в пугающей улыбке, и она медленно произнесла имя:

— С сегодняшнего дня Цинь Сяояо — заместитель главы нашего культа.

— Цинь Сяояо?

— Какая еще Цинь Сяояо?

— Неужели?..

Тревожный ропот ещё не успел оформиться в слова, как следующее зрелище заморозило всех на месте.

Из тени поодаль от алтаря двое черноризцев-адептов «выпроводили» какую-то фигуру.

Это уже с трудом можно было назвать человеком.

Прежде чистое белое платье давно превратилось в лохмотья, сплошь покрытые грязью.

А на открытых участках кожи виднелись сплошные раны: некоторые уже покрылись коркой бурого цвета, а другие ещё сочились свежей краснотой и припухлостью.

Она опустила голову, растрёпанные пряди волос скрывали большую часть лица, и лишь пустые глаза бессмысленно смотрели в землю перед собой из-за завесы волос.

Пройдя в самый центр алого ковра, она остановилась в нескольких шагах перед Цзян Ханью и постепенно подняла голову, устремив взгляд туда, на возвышение, на ту самую фигуру.

— Ах! — толпа внизу мгновенно взорвалась.

— Это и правда она! Цинь Сяояо из Секты Юйцин!

— Разве она не... Разве она не любимица главы культа!

— Тсс! Забыл, что творилось прошлой ночью? А я-то думал, у кого хватило смелости, слышал, некто втайне собрал остатки старых отрядов, желая в ночь перед восхождением на трон попытаться переломить ход событий...

— И чем всё кончилось?

— Чем кончилось? Ха-ха-ха, разве нужно спрашивать? Вы же слышали те крики, что разносились прошлой ночью над темной равниной? Тц-тц, от одного звука больно делается.

— А я думал, она уже мертва, не ожидал, что она всё ещё жива.

Бесчисленные взгляды, словно пропитанные ядом иглы, вонзались в Цинь Сяояо.

Эти слова разили сильнее мечей, снова втапывая в грязь её некогда растоптанное достоинство.

Когда-то давно она тоже была святой, которой поклонялись тысячи людей.

А теперь она терпела насмешки и пальцы, указывающие на неё со стороны всего мира.

И виновником всего этого была та самая женщина, которую она некогда считала самым близким человеком и которая сама преподнесла ей этот дар.

Цзян Ханью оставалась глуха к этому шуму.

Она просто смотрела на Цинь Сяояо, в ту мёртвую пустыню её глаз, на её слегка дрожащие кончики пальцев.

Именно такого эффекта она и добивалась.

Чтобы та чётко и ясно поняла, что такое реальность, что такое поражение и гибель.

И что такое та «дорога жизни», которую даровала ей Цзян Ханьюй.

И всё же... если бы та не противилась ей всё это время и не шла наперекор, разве стала бы она поступать с ней так?

Хотя та часто говорила себе, что должна быть добрее к человеку перед ней.

Ведь они могли бы жить в гораздо более близких отношениях.

Но участь человека перед ней уже перечеркнула все подобные возможности.

— Яо-эр, — позвала Цзян Ханьюй. Голос её был негромким, но легко перекрыл весь шум.

Она слабо улыбнулась.

— Подползи ко мне.

Цинь Сяояо находилась в каком-то забытии.

Как же шумно.

И тело так болит, неужели у неё сломано несколько костей?

Почему так больно?

Почему она ещё не умерла?

Ах, точно, ей нельзя умирать.

Эта женщина не позволяет.

Едкие слова толпы хлынули потоком и схлынули обратно, оставив лишь тошнотворный шум.

А улыбка человека перед ней наложилась на смутный, тёплый образ из воспоминаний.

Когда именно она стала такой?

Она, кажется, уже с трудом припоминала.

Помнила лишь ту девушку, что прежде улыбалась ей застенчивой улыбкой, и глаза её тогда тоже были чистыми.

Но теперь этой девушки больше не было.

Все погибли, и лишь она одна влачила жалкое существование, продолжая жить.

<http://bllate.org/book/19487/1910258>